

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ

III — mai, juin 1951.

«LE MESSENGER», périodique de l'Action Chrétienne
des Etudiants Russes
paraît six fois par an

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Когда же, наконец, истощится терпение? — Ю. Иваск	1
2. Проблема зла в мире и пути борьбы с ним. — Прот. Василий Зеньковский	4
3. О поэзии Тютчева. — В. Вейдле	13
4. Рим (Первая встреча). — Л. А. Зандер	18
5. Еще по поводу Стравинского. — И.	22
6. Русские в Льеже. — В. Зандер	24
7. Наш весенний съезд. — В. С. Л.	27
8. О работе и жизни Движения в Америке	28

Журнал выходит 1 раз в два месяца.

Цена отдельного номера: 50 фр.

Адрес редакции:

Monsieur I. Morosov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15 (France).

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ВЕСТНИК!

Рубежом страдает с горячей просьбой ко
всем подписаться на наш журнал и
Журнал наш остро нуждается
Ба его зависит от активной
вая может быть оказана
жертвований на журнал.

сим направлять
Olivier-de-Serres,

t. Astoria L. J. N. J

- 1:
50 франк.
250 франк.
0.25 долл.
1.50 долл.

— подписки, перемены
направлять по адресу:
s, Paris 15 (France).

на почт. текущий счет:
rue Olivier de Serres,

Рубежом.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

КОГДА ЖЕ, НАКОНЕЦ, ИСТОЩИТСЯ ТЕРПЕНИЕ ?

I.

По сравнению с XIX в., наш век переживает возрождение христианства. В эпоху социальных движений и техники по новому раскрываются христианские истины. Начало этого возрождения связано с тем духовным возрождением, которое началось в прошлом веке. Оно связано с Киркегардом, Достоевским, Ницше и некоторыми другими. Современники их плохо понимали. Все они выступали против позитивизма, утилитаризма, против лже-научной (научообразной) бездуховной теории прогресса, против самодовольного буржуазного оптимизма. Под их влиянием на рубеже XIX и XX в. в. были заново пересмотрены все ценности. Оказалось, что наука и социализм недостаточны для счастья человечества и для познания последней правды.

Одновременно возникли многие другие тенденции, направленные против веры в прогресс. Так — по линии, идущей от романтизма, были открыты Средние века, которые перестали казаться отсталыми, «темными». В Германии еще многие ранние романтики начала XIX в. обратились к средневековой культуре. В России, в конце века открыли средневековую иконопись — «умозрение в красках». Западная (рыцарская) мистическая влюбленность взволновала поэтов (Блока, Белого). Новую религию пытался создать в своей поэзии Рильке, который превратно, но творчески использовал образы средневековой Руси. Все это только отдельные — случайно выбранные примеры. Существенен же был — поворот в сторону духовности.

Все эти сдвиги происходили на верхах, среди крайних индивидуалистов. Возник тип утонченного «психопата», создалась декадентская литература и вокруг нее атмосфера духовных исканий.

БИБЛИОТЕКА

«РУССКЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ ГИДАЦ-УЛКА

4001322

4001322

СПРАВОЧНИК

Развилось также новое богословие, которое иногда тоже было упадническим. О. Павла Флоренского называли «декадентом православия».

Наряду со свободными христианскими мыслителями (Бердяев или W. Otto) появились богословы, призывающие к источникам христианской мудрости — к восточным отцам Церкви, к схоластике (томизм во Франции, увлечение Д. Скоттом в Германии).

Очень существенны также попытки христианизации социального движения. Социализм перестал быть монополией атеистов. Осуществились мечты гонимого католического пастыря Ламеннэ. Уже Лев XIII благословил рабочие организации. Возникли католические, а также протестантские профсоюзы. Так что не только элита, но и массы были вовлечены в духовную работу. Совершился возврат к духовности, и очень часто к церкви. Христианство нашло неожиданных адептов и в нехристианском мире. Можно говорить о христианских настроениях некоторых еврейских кругов или Ганди.

После 1-ой Мировой войны возникло, а после 2-ой Мировой войны необычайно расцвело столь духовно плодотворное экуменическое движение. Христиане всех конфессий братаются не только на общих съездах, но и в жизни, в практической работе. Это хорошо знает русская эмиграция во Франции, Германии, Америке.

Теперь только в Советском Союзе продолжают твердить, что религия — опиум для народа (не взирая на заигрывания с церковью...). На Западе такое заявление может теперь вызвать только ироническую улыбку — так оно безвкусно.

Итак, христианство несомненно возрождается — и на верхах и в массах. Культура и демократия христианизируются. Количественно число неверующих или равнодушных едва ли значительно уменьшилось. Слишком многие еще живут ценностями давно-прошедшего — буржуазным позитивизмом XIX в. (особенно в Америке). Но зато очевидны качественные приобретения. Христианство опять привлекает сердца и умы — пусть меньшинства, но деятельного меньшинства.

II.

Да, христианство возрождается, а человечество приближается к гибели.

Мы живем в эпоху атомных бомб и концлагерей, в мире **материального уничтожения**, которое мы **морально терпим**, сносим. Мы нередко, и устно и письменно, обвиняем тоталитарных палачей, но забываем, что наша ответственность тяжелее, наша вина горше:

мы постоянно допускаем твориться тому, что осуждает наша совесть.

Мы, христиане, — хуже палачей, хуже всех темных людей, которые делают свое черное дело: ведь мы то не палачи и претендуем на свет! Но даем тьме одолевать свет. Если мир погибнет, то **морально спросится** не столько с его физических истребителей, сколько с нас — с тех, в ком образ Божий, а не образ звериный. За кошмары бомбардировок и застенков добрые христиане более ответственны, чем нехристи, сыны погибели. Христианские культуртрегеры и христианские профсоюзники более других несут ответственность за все черные дела. Оправданы могут быть только мученики — исповедники в тоталитарных странах: у них ореол мученичества. Конечно, в свободном демократическом мире — на съездах, в печати, в общезнании христиане (и не христиане) осуждают современное зло, но осуждают **половинчато**. Поразительно, что после 1945 года никто нигде не осмелился выступить с полным списком всех черных дел. Осуждая Гитлера, забывали осудить Сталина. Осуждая обоих, забывали и забывают черные дела демократий: разрушение Дрездена или Хиросимы, выдачи власовцев, гнусные сцены торжествующего резистанса, уличные избиения на улицах Праги и Парижа, вообще всю ветхозаветную реакцию мщения (око за око, зуб за зуб).

Полного обличения всего зла нельзя требовать ни от одной Церкви в целом — как от организации (поскольку эта организация юридически оформлена, и следовательно оппортунистична и релятивна). Но возможен персональный или групповой нравственный суд над современными черными делами.

Нужен тот огонь, который был у Иеремии, Иоанна Златоуста, Бернарда Клервосского, Савонаролы или Филиппа Московского, у Данте или в русской литературе (Гоголь, Толстой, Достоевский). Пускай все эти морально творческие гении тоже ошибались, пускай их иногда затемняла нетерпимость (Савонарола) или ослабляли личные пристрастия (особенно поэтов, художников слова) — но как их слушали! И как слушавшие их, осуждали свою темноту, свое зло — хотя бы втайне! Никакое чисто эстетическое обаяние не могло сравниться с их нравственным обаянием. Красота зла бледнела перед их красотой добра, которой они служили (хотя по человеческому несовершенству они иногда и отступали от своего служения и соблазнялись красотой зла). Они вызывали раскаяние — то великое творческое раскаяние, за которым следует не унылая подавленность, а вдохновенное делание. У нас много способных и достойных христианских профессоров и студентов, философов и поэтов, общественников и политиков, а также благотворителей и просто добрых христиан.

У нас есть также новые христианские мученики, которых сжигали нацисты и расстреливают коммунисты. Но у нас нет нравственных судей. Нет пророческих сердец. Мы, люди христианского возрождения... Но как мы вялы, как мы тепло-прохладны — даже наша молодежь! Если сказать грубо: у нас нет настоящего темперамента. Если сказать изящнее: у нас нет того преображенного эроса, который вдохновлял Иеремию или Златоуста, Данте или Достоевского. Честь и слава христианской культуре и христианской общности! Их больших заслуг отрицать не приходится. Но где пророки, которые говорят во весь голос и жгут сердца людей? У нас есть христианское сознание, иногда даже мы живем и любим по христиански, но как мы боимся полной нравственной правды, как мы опасаемся говорить нелицемерно, даже в демократических условиях жизни!

Мы все терпим, терпим и терпим. Терпение — христианская добродетель. Оно возвышает мучеников. Но терпение не добродетель, когда она удобна. Не забудем также, что нетерпеливые пророки — это лучшие судьи и наставники человечества. Они вдохновляли и воспитывали. Ими живет культура и цивилизация.

Может быть — мученики выше пророков, но если первые гибнут и спасают, то вторые исправляют, строят, продолжают творение Божие.

Здесь возможны всякие возражения. Но я только об одном думаю:

Когда же, у кого же, наконец, истощится терпение... То терпение, которое так комфортабельно для нас и так жалко-позорно, так самоубийственно.

Ю. Иваск.

ПРОБЛЕМА ЗЛА В МИРЕ И ПУТИ БОРЬБЫ С НИМ

(Запись доклада)

У нас всех есть мучительное ощущение страшного роста зла, наличность которого совершенно бесспорна, но все же мы не должны закрывать перед нами другого факта: бесспорного роста добра в мире. Для христианина трудно, даже невозможно, конечно, быть оптимистом в обычном смысле слова, но нельзя забывать, что рядом с чрезвычайным и даже непонятым ростом зла, все время идет рост добра; только добро молчаливо и большею частью нами забывается.

Оно очень часто совсем невидимо, оно еле отмечается в ближайших кругах и совсем не замечается издали, но реальность добра в современном мире, так же велика, как страшен и неожидан рост зла. Люди, которые сейчас побывали в разных лагерях, могут рассказать об этом диковинные вещи. Когда люди приходят слу-

жить благодарственные молебны и рассказывают, как они спаслись от смерти, то становится ясна реальность и сила добра в мире. Поэтому надо беречься одинаково и крайнего пессимизма, к которому нас толкает современная жизнь, и того близорукого оптимизма, который считает незначительным зло, которое происходит в мире.

Эти две крайности, которые одинаково не могут быть защищаемы. Та же позиция, к которой нас ведет христианское мирозерцание может быть названа **трагическим** мироощущением: мы видим и страшную глубину зла и не теряем веры в добро.

Трагичность жизненного процесса, трагичность того, что происходит в истории есть основное ощущение, которое диктует нам христианство, наша общая религиозная позиция. Можно сказать, что трагический подход к пониманию жизни далек от давящего чувства рока, непреодолимой судьбы, которая владеет всем — так и от поверхностного оптимизма.

Конечно, надо признать, что трагическая установка духа вообще трудна, почти не по силам нашему уму: охватить всю сложность переживаемых фактов не только трудно для ума, но еще труднее оставаться на линии трагедии. Быть «героем» трагедии удается немногим, обычно мы превращаем трагедию в драму или даже мелодраму: для того, чтобы быть «героем» трагедии, нужно иметь много силы и мужества. Мы находимся, однако, все в положении «героев» трагедии и чтобы остаться «героем трагедии», надо с достоинством и глубиной принимать свой путь, иначе мы впадем в безнадежный пессимизм. Надо иметь бесстрашие духа и совести, чтобы стать на эту позицию, чтобы охранить в себе трагическое восприятие истории, к тому же мы не можем сосредотачиваться на одной только нашей сегодняшней буре, но должны заглянуть в самый корень того, что происходит в глубине мировой жизни.

Особенно нужно иметь мужество совести, чтобы, заглянув в глубину зла, сознать наше участие в нем, **нашу** вину.

Пока мы думаем, что кто-то другой виноват — мы еще не осознаем всей трагичности истории, — ибо лишь тот проходит подлинную трагедию, кто осознает свою вину, в том, что мы находим в современности.

Тут нужна большая сила духа и совести, нужна честность сознания для того, чтобы отдавать себе отчет во всем том, что мы называем злом современности, почувствовать нашу **ответственность** за него.

Зло растет в мире ныне в такой страшной прогрессии, какой еще по истине не было видно в мире. Конечно, и раньше в истории было много ужаса, невероятного торжества зла, но все-таки есть

достаточно оснований думать, что такого обилия и такого страшного роста зла еще не бывало. Может быть самое страшное из всего этого атомная бомба, которая будучи с одной стороны следствием великих успехов в науке, вместе с тем является горестным симптомом того, что и наука служит уже открыто и без колебаний торжеству зла и смерти.

Страшно то, что могучее развитие знаний в последнее время привело к таким последствиям. Рост знания является одной из самых светлых сторон в движении человеческого духа, и можно было надеяться, что торжество образования, знания постепенно будут смягчать всю остроту нашей неустроенности. Если можно было раньше на что-либо рассчитывать, то именно на науку — это казалось была «твердая скала». И вот эта самая основа нашей веры в прогресс, она то и предала!

Знание (об этом давно уже говорили) служит ныне гораздо больше злу, чем добру. Ученые оставаясь лично добрыми людьми, уверяют нас, что из жалости к человечеству они выдумывают страшные орудия истребления, будто бы из-за этого война станет невозможной в будущем! Может быть изобретатели бомб, снарядов, газов, в самом деле одушевлены надеждой, что чем страшнее оружие, тем больше шансов, что войны не будет, но фактически сила знания оказалась во власти злых сил — это очень зловещий факт.

Куда же дальше может двинуться техника, если она окажется к услугам зла?

Нас уверяют, что собственно все эти открытия могут больше послужить хозяйственному прогрессу, интересам жизни, чем интересам разрушения.

Несомненно, какую-то **маленькую** пользу извлечет хозяйство из всех открытий, но **страшное** зло будет извлекаться из него в безграничном количестве. То, что техника стала бесспорным орудием зла, есть очень роковой факт, потому что одно изобретение влечет за собой новые изобретения, новые исследования.

Ученые всего мира продолжают свои двусмысленные исследования и в разных частях мира теперь существуют, например, специальные комиссии, которые должны изучать разложение атома и т. д.

С другой стороны, если вы читали и следили за Нюрнбергским процессом, нельзя не признать, что перед нами проходило нечто совершенно чудовищное. Нельзя было даже вообразить того, что из обвинительных актов открывается. Выступает чистое зло, не то зло, которое кажется необходимым в процессе борьбы, — нет, здесь на лицо бесцельная жестокость, массовое уничтожение

людей, обречение их на голод, на смерть, без всякой пользы для тех целей, с которыми была связана война.

Конечно, перед нами подлинная **идеологическая** буря, которая влечет за собой уничтожение людей, перед нами подлинный взрыв дьявольской злобы.

В нашей несчастной стране миллионы людей зря погибали и погибают, — и здесь на лицо была та же дьявольская злоба, которая владеет историей. Государство, о ценности которого так много писали в середине и начале XIX века, дошло ныне до таких тиранических форм и вместе с тем таких уже бесжалостных, циничных действий, что может быть это еще страшнее атомной бомбы. Бомба есть нечто иное, использование сил природы, а здесь мы имеем человечесую волю, до конца охваченную страстью к разрушению.

Все эти явления говорят нам о том, что может быть мы имеем сейчас только начало настоящей исторической бури, что человечество вступило в очень страшный период истории.

Война давно кончилась, а уничтожение людей продолжается, причем не в **меньшем размере** чем во время войны. Мы находимся и может быть даже еще не в зените, не в самой высокой точке мирового зла. Зло растет, и этот рост зла ставит вопрос **какой же смысл всего этого?**

Этот вопрос неотвратим вообще, но особенно он мучителен для христиан, так как мы дорожим идеей Промысла, мы верим, что Господь определяет пути истории.

Каждый человек, серьезно переживший нынешние события, уже не может совсем отстранить этой идеи. Человеческий дух слишком глубок для того, чтобы нынешние факты считать исторической случайностью. Среди слепого «бессмысленного» хода природы, один человек подчинен кроме природы какой-то высшей силе: как не была бы слаба в нашей душе идея Промысла, она остается единственной нашей опорой.

Если верна римская поговорка «пока дышу, надеюсь» то смысл этой надежды в том, что обильное и мучительное торжество зла когда-нибудь кончится, что правда и добро еще вернуться на землю.

Идея Промысла и проявляется прежде всего в надежде. Пока мы живем, мы все надеемся, что когда-то откроется смысл жизни, когда-то страдания покроются благосным итогом. Идея Промысла переносима и в загробную нашу жизнь, но все равно, самая жизнь освещается надеждой на то, что хотя бы в другом мире торжествует добро.

Если бы этот мерцающий свет надежды погас, жить стало бы невозможно. Вобщем должно признать, что надежда никогда человека не покидает: если временами свет и уходит, то тогда насту-

пает чувство богооставленности, состояние отчаяния. Поэтому, в личной жизни идея Промысла неистребима, она держится в самых бессознательных глубинах души.

При виде, однако, того, что совершается с другими людьми, идея Промысла бледнеет; вид чужих несчастий, роковые сцепления обстоятельств, наполняют нас такой болью, что здесь становится очень трудным верить в Промысел. Давно было указано, что сострадание тяжелее страдания. Сострадание сжимает сердце с такой силой, что трудно жить, и мы предпочли бы часто умереть, чем видеть чужие страдания, хотя бы наша личная жизнь была бы сносна. Отсюда и рождается то состояние духа, которое так ярко выражено в Иване Карамазове: «Я не Бога не принимаю, я мира не не принимаю».

Мне сказал недавно один человек: «Мне стало противно жить, я не могу больше читать газет, выносить того, что они приносят. Я лучше закроюсь, все окна закрою от того, что происходит». Это состояние невозможности выносить зло означает, что сердцу уже нечем переживать ужасы жизни. Но еще мучительнее, если мы переходим к историческому бытию, здесь еще труднее усмотреть Промысел Божий.

В жизни отдельного человека есть, конечно, много непонятно-го, но оттого, что это лишь отрывок жизни. Если бы мы знали, что будет за гробом с нашей душой, нам бы открылся смысл страданий души на земле. Для религиозного сознания индивидуальные судьбы освещены загробным периодом жизни и потому они освещаются верою в Бога, но когда мы обращаемся к исторической жизни, к истории, то это становится гораздо труднее.

Конечно, нельзя не верить, что Промысел в истории не менее действителен, чем в жизни отдельного человека.

Странно и страшно, однако, что в истории (особенно в наше время) даже положительные явления в силу какого-то извращения стали проводниками зла. Возьмем, например, национальное сознание — это очень высокая и ценная сила. В национальном сознании человек начинает жить в более широкой атмосфере, чем раньше; он воодушевляется идеей народа, находит в себе новые силы. В этом есть какое-то возвеличение духа человеческого, есть не исчерпаемая сокровищница для духа. Развитию национального сознания мы все очень обязаны. Но увы, как раз эта великая сила духа привела к страшным вещам в истории: национальное чувство ныне часто становится источником страстей, горделивой мечтой подавить другие народы и господствовать над ними, превратить их в рабов. Может быть эта болезнь есть даже специфическое свойство высокой культуры, ведь она появляется только тогда, когда созревает сознание мощи народа, когда накапливается сила народная.

Возьмем другую область — что может быть выше мысли о тех бедных людях, к которым судьба не была жалостлива, кого она придавила? Эта мысль самая возвышенная — это любовь к брату. Отсюда родилось много светлых явлений в истории — подлинный социальный идеализм. Но социальный идеализм уже давно стал облекаться в революционные формы, от которых поднимаются кровавые призраки — увы, революция не бывает без крови! Великая идея социальной правды, социальный идеализм перерождаются в идею насильственного переворота, — и уж тогда нет никому пощады, идея добра подменяется идеей будущего рая на основе революции.

Возьмем идею Государства. Напомню идеологию государственности Фихте, Гегеля. Это было очень высокое, чисто моральное понимание государства, но рост государственности привел к тирании, власть теперь вмешивается решительно во все, подавляет свободу не только слова, но и мысли. Если узнает правительство о том, что вы думаете не так, как ему «нужно» — то вы уже подозрительный человек, потому что вы мыслите не так как диктатор.

Теперь даже не удивляются тому, что государство присваивает себе такие функции. А между тем государственность, сама по себе есть великое достижение истории, настоящее торжество «объективного духа», потому что государство есть духовный организм.

Вот и приходится констатировать, что такие великие вещи, как любовь к ближнему, государственность, национальное чувство, все это так часто оказывается источником заразы, проводником зла. Придется сказать: современный культурный мир в целом настолько болен, настолько неизлечимо болен, что он не может прогрессировать в сторону добра. Сомнение в том, что в истории действует Промысел, становится как будто оправданным. Что на это сказать?

Я не буду касаться вопроса так называемой «теодицеи» — т. е. обвинения предъявляемого Богу человеческим сознанием («зачем мир создан так, что в нем возможны те явления, которые происходят» — и т. п.).

Самый вопрос такой — уже есть бунт против Бога, особенно когда начинают говорить, что Бог «занят небом, не землей», что «история отдана на откуп дьяволу». Этого вопроса, очень большого и острого я не буду сейчас касаться, равным образом я не буду касаться и тех высказываний, которые сводят зло к торжеству язычества в христианском мире, вообще не буду касаться современной «обличительной» установки у многих христиан. Да, в наше время вы встретите часто обличение современного язычества — это вполне естественно, ибо этот факт на лицо; поэтому христианскому со-

знанию так естественно обличать неправду. Но будем иметь ввиду — нет ничего легче и проще христианину, как обличать современную неправду, современное язычество среди христиан. Не возражаю против этого, но скажу, что христианство нужно миру, не для того, чтобы его обличать, а для того, чтобы его спасать. Где же те положительные указания, которые мы можем дать миру? Этим я хотел бы заняться сегодня; это вопрос победы над злом, а не одного обличения зла, — это вопрос победы правды над неправдой.

Возможна ли христианину победа над злом — или иначе, что христианину делать сейчас перед лицом зла, которое есть в мире?

Прежде всего нам нужно объявить **крестовый поход под знаменем покаяния**. Нет чужой вины, есть наша вина в том, что происходит; Достоевский прав, что все виноваты за всех, да и трагедия нынешнего дня есть трагедия вековая, и мы все здесь виновны. Важно сознать это, важно покаяться в нашей холодности и бессилии; ведь если бы в нас была бы христианская сила, то зло не могло бы так торжествовать, как оно торжествует ныне. Это есть обличение нашей слабости, тот суд, который должен начаться от нас самих, ибо Господь начнет суд от Церкви. Поэтому мы сами и должны первые сознать свое соучастие в современной неправде. Это очень трудно вместить в души, каждый готов спросить насколько это все не мнимо, не фантазия, разве мы ответственны за неправду мира? Есть тысяча мелких вещей, которые мы наделали, за которые мы ответственны, но все это мелкие вещи, говорят нам, они могут относиться к моим соседям и близким, но не к мировому историческому страшному бедствию.

Какое отношение могли иметь мои грехи к мировой неправде? Тут есть как будто нечто непропорциональное, тут есть как будто какое-то несоответствие. Потому то и трудно нам принять эту идею **общего покаяния** в качестве внутреннего переживания. Но если мы до него не доберемся, мы едва-ли сможем заглянуть в глубину мировой трагедии, потому что покаянием вообще начинается христианское самосознание. Пока мы не дойдем до этой позиции покаяния, мы не найдем правильного отношения к трагедии мира. Чтобы быть с «веком наравне», понять смысл нашей эпохи, для этого нужно прежде всего до глубины заглянуть в ее трагедию. А без покаяния в **своей** вине можно ли правильно понять трагедию мира?

Обличать зло мира, выявлять его неправду не надо много труда, но чтобы до конца понять, в чем трагедия мира, для этого нужно покаяние.

Тут возникает вопрос, насколько для нашего сознания этот путь еще открыт. Можем ли мы не просто констатировать зло, но понять, как глубоко идут его корни?

Тут нужно в самом себе копать. Кстати отметим, что люди святой жизни считали себя такими тяжкими грешниками, какими мы себя никогда не считаем. Почему было это у святых людей? Почему чувство мировой вины у них усилилось от их святости? Конечно, потому что когда человек свободен от мелких грехов, тогда выступает перед ним вся темная глубина первородного греха в нашей природе. Нужно поэтому сказать, что пока мы не дойдем до сознания **нашей** ответственности за мировое зло, т. е. до сознания, что мы тоже виноваты в нем, что мне нужно начинать с того, чтобы лечить самого себя — **до тех пор мы не найдем и путей к исцелению мира**.

Это звучит педантично, вроде наставления детям, но это является подлинной истиной. Если мне удастся овладеть своими страстями или, по крайней мере, тем рычагом, который мог бы остановить их развитие, тогда откроются для меня иные пути жизни.

Исцеление мира идет через человека. Я не хочу этим отвергать полезность разнообразных социальных реформ, но думать, что этим что-нибудь делается для мировой болезни — невозможно. Дай Бог всем получше устроиться, всем обеспечить пропитание, обеспечить тепло, все эти основные вещи, дай Бог чтобы они были, но это не изгладит зла.

Оно таится в глубине души и никакие социальные реформы не могут изгнать его. Совсем не случайно для современной эпохи то, что театры стали суррогатом церкви: действительно для театра у нас всегда найдется время, а для церкви времени нет. Как это характерно!

Это явление, конечно, трагического порядка; а то, что театр становится суррогатом церкви, это связано с духовным опустошением у современных людей.

Это странная и новая функция театра, которая несомненно связана с упадком чувства Церкви. Театр начинает играть новую религиозную роль, в нем есть пафос, а душе человеческой нужно чем-то восхищаться, верит в то, что жизнь будет лучше. Человеку нужен пафос, душе невозможно жить без того, чтобы она горела, чтобы она была согрета энтузиазмом — такова природа человеческой души. И вот, при том упадке церковности, который мы наблюдаем всюду, — люди хотят внешне найти поддержку, уходят всецело во внешнюю жизнь. Между тем единственное настоящее обновление мира может придти лишь через оживление христианства, т. е. оживление нашей жизни в Церкви.

Тургенев однажды высказал такую мысль: «я глубоко верю, что никакое движение добра в мире не пропадает». Все, что есть доброе в мире, как бы оно ни было ничтожно, действительно скла-

дывается в некоторый невидимый фонд добра. Этот фонд добра растет, и потому и «одионое», скрытое, интимное обновление души во Христе идет в общую сокровищницу. Но все это остается **невидимым**, лишенным силы Христовой.

Чтобы явить силу христианства, нужна христианская общность, христианские общежития — не знаю как это назвать лучше. Думаю, что если христианские общежития возможны, если возможны островки христианской культуры, то они будут подобны монастырям, т. е. будут построены на принципе иерархии.

Кто жила в монастырях, тот знает, что в монастырях идет **общая жизнь**, иерархически построенная, и это дает стройный аккорд, получается удивительное единство. Мы стоим перед возможностью, необходимостью, чтобы люди, которые хотят перестроить по христиански свою жизнь, захотели соединиться вместе и построить общую жизнь на началах братства, образовать из нескольких семей одну общую семью. Это, конечно, предполагает общее одушевление, жажду найти путь совместной доброй жизни.

Для этого нужна огромная сила любви; у нас нет других христианских средств, ибо нужна нам не сила слова, а сила любви прощающей. Это путь новый, трудный, но как же нам решить мировую проблему, если не сможем решить ее в размерах **общежития**?

Христианство есть подлинная сила, но эта сила вся связана с способностью любить людей, прощать их недостатки и в то же время искать добра и правды. Это крест, ибо прощать самая трудная вещь.

Бесконечно трудно соединить любовь к правде, строгость к самому себе с прощением чужих слабостей, идти к людям с прощающей любовью. Оттого так трудно жить людям друг с другом.

Мне кажется, что проблема христианской культуры потому так трудна, что мы не умеем жить вместе, общно. Мы все не с того конца начинаем, все ищем внешних реформ и на них надеемся, — в то время, как истинная сила заключается в Церкви, в перестройке всей жизни на началах церковности.

Я хорошо понимаю всю реальную трудность христианских общежитий, понимаю, как трудно принимать общую совместную жизнь при различии вкусов, привычек, всего стиля жизни. Да, это так, но в возможности христианских общежитий и таится ключ к исцелению мирового зла.

Если бы какая-нибудь группа христиан захотела ужиться вместе, если бы попробовала и добилась этого, то мы бы увидели, что **именно в этом лежит путь к христианскому обновлению и всего мира**. Лишь через приятие людей и любовное отношение друг к другу растворяются те духовные перегородки между людьми, кото-

рые не могут быть сняты никакими внешними реформами, а между тем победа над злом, преодоление мировой трагедии в том и заключается, чтобы возстало между людьми чувство братства.

В осуществлении братства в общежитиях, в этих своеобразных монастырях, объединяющих всех людей, и лежит та правда, какую возвещает нам христианское чутье перед лицом всеобщего озлобления и ненависти. Промысел Божий не осуществляется ни в личной, ни в исторической жизни, минуя людей, мимо их свободы. Поэтому, если мы начнем перестраивать нашу жизнь в духе Церкви, то правда Божия станет силой истории, обезсилит зло. В этом наша вера, наша надежда.

Прот. **Василий Зеньковский**.

О ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА

Тютчев для нас теперь — один из величайших русских поэтов, быть может, величайший после Пушкина. Такое отношение к нему установилось, однако, лишь сравнительно недавно, в начале нашего века. Современниками он был понят плохо; ценили они его недостаточно.

Это объясняется двумя причинами: во-первых Тютчев на много пережил эпоху, когда поэзия была на первом плане, т. е. пушкинскую эпоху, а во-вторых его считали беллетристом, светским человеком на досуге пописывающим стихи, и притом политические стихи: лирические читались совсем мало.

Даже те, кто любили его стихи, не уделяли ему большого места в русской литературе; да он и сам на него никаких претензий не заявлял. Был он «поэтом для поэтов». И остался бы им, если бы не новый расцвет русской поэзии, который теперь тоже отошел в прошлое. Литературная судьба его, как видим, была весьма особенной судьбой.

Нам и сейчас представляется, что Тютчев — поэт пятидесятых, шестидесятых годов, хотя в сущности он поэт пушкинской поры; он был всего на четыре года моложе Пушкина, на три моложе Боратынского и принадлежал к до-лермонтовскому поколению; он был старше Лермонтова на 11 лет. Его друзьями были Вяземский, Жуковский, и когда первый сборник его стихов (и единственный, выпущенный им при жизни) вышел в свет в 1854 г., автор их казался выходцем из другого мира, давно уже отодвинутого назад новыми интересами, потребностями и вкусами.

Самого Тютчева литературная судьба его стихов заботила очень мало. Литератором он вообще ни в какой мере не был. Не даром и писал он по русски только стихи; немногочисленные статьи его (всегда на политические темы), как и огромное боль-

шинство писем написаны по-французски. Да и стихи не столько он создавал, сколько они создавались в нем. Он никогда о них не говорил, не придавал им, казалось, никакого вне-личного значения.

Известен рассказ его дочери о том, как он ехал с ней на извозчике под проливным дождем из одного конца Петербурга в другой, молчал всю дорогу, а когда приехали, проронил невзначай: «*J'ai fait quelques rimes*». То были «Слезы людские, о слезы людские...».

В более ранние годы, живя в Мюнхене, он дал приятелю князю Горчакову связку стихотворений, которые были привезены в Петербург и показаны Жуковскому, Вяземскому и Пушкину. Пушкин напечатал в «Современнике» сразу 16 из них по заглавию «Стихотворения присланные из Германии» и с подписью Ф. Т.

В течении 20 лет имя этого Ф. Т. было известно только в самом узком писательском кругу. Даже и вернувшись в Россию, Тютчев литературному миру остался чужд. Ничего не изменила в этом и справедливая оценка, данная его стихам Некрасовым в 1850 г. Четыре года спустя его сборник появился без всякого участия автора, причем некоторые из замечательнейших стихотворений, как «*Silentium*» были «проредактированы» Тургеневым, т. е. переделаны в согласии с школьными правилами стихосложения, но наперекор их подлинной ритмической структуре.

Тютчев отнесся к этому повидимому с полным безразличием, и позже только один раз протестовал против искажения в печати своих стихов, но по соображениям не литературным, а личного, биографического характера.

Если судить по его переписке, то он вообще литературой — по крайней мере во вторую половину жизни — интересовался очень мало. Основным интересом его была политика, внешняя политика европейских государств. И очень вероятно, что он сам придавал своим политическим стихам значение не меньшее, а быть может и большее, чем лирическим.

Конечно, Тютчев ощущал себя поэтом и работал, даже с большим упорством над своими стихами; но поэзия для него была чем-то одновременно очень личным и вполне стихийным, призванием, но не профессией, чем-то совсем не похожим на обычную человеческую упорядочивающую и благоустраивающую деятельность. В этом отношении, будучи поэтом пушкинского поколения, он тем не менее резче всего противопоставляется именно Пушкину.

Пушкин полагал фундамент, воздвигал здание литературы, ощущал свою ответственность перед русской поэзией, русской культурой, Россией, и оттого основывал журнал, принимал участие в литературных группировках, вел определенную литературную линию. Тютчеву все это было глубоко чуждо. И в этом обнаружи-

ваются некоторые из самых характерных черт и его человеческой личности и его поэтического гения.

Есть два типа поэтов. Есть поэты — строители, как Пушкин или Гете, Данте, Вергилий. И есть поэты — только поэты. Из величайших гениев человечества ко второму типу относится Шекспир. В его творчестве нельзя усмотреть никакого сознательного строительного намерения, никакого желания противопоставить себя такому то прошлому, приготовить такое то будущее, занять ту или иную позицию по отношению к происходящему вокруг. И литературная судьба его драм также, повидимому, Шекспира не интересовала (в отличие от театрального успеха, который был для него важен в чисто практическом отношении). Мы не замечаем, чтобы он руководил своим творчеством во имя чего-то, что уже не само творчество. О Шекспире человеке, мы впрочем ничего или почти ничего не знаем; об его отношении к своим творениям судим лишь по самим же этим творениям, да еще по явному отсутствию заботы об их печатном тексте. Но есть другой английский поэт сходного творческого склада, который оставил нам драгоценнейшие прямые свидетельства о своем понимании своего творчества и самого себя.

Поэт этот — рано умерший, современник Пушкина и Тютчева, Китс. Среди замечательных его писем есть два (одно от 22-го ноября 1817 г., другое от 27 октября 1818 г.), где мы находим исключительной глубины — хотя и немного неуверенно выраженные — прозрения, касающиеся душевного устройства поэтов такого типа, как Шекспир, Тютчев, как он сам. (Литературная заинтересованность и Китса, впрочем, есть, но лучшее в его поэзии не находится с ней ни в какой связи).

В первом письме он разделяет великих людей на две категории: *Men of Genius*, людей гения и *Men of Power*, людей власти, причем только вторые обладают, по его словам, настоящей личностью или собственным «я» (*a proper self*), первые же никаким характером или индивидуальностью не обладают и действуют лишь подобно некоему химическому реактиву (*as certain ethereal chemicals, operating on the Mass of neutral intellect*). Во втором письме он называет поэта самым непоэтическим существом на свете, оттого что он лишен всякого настоящего признака, всякого тождества самому себе, и переходя затем к непосредственному самоанализу, утверждает, что ни одно слово, высказанное им, не может считаться подлинным его мнением, вырастающим из постоянного его облика, из постоянной его природы (*growing out of my identical nature*), потому что у него как раз и нет такой природы. Он прибавляет, что находясь в обществе других людей и даже в обществе детей, он до такой степени испытывает их воздействие или отождествляется с их личностью, что в короткое время как бы уничтожается сам, т. е.

сказали бы мы, перестает ощущать «я», растворяет в чужой свою собственную личность.

У Тютчева мы находим в менее развитой, чуждой всяких обобщений форме, весьма сходные признания. Он пишет жене о себе в 1851 г., по случайному поводу. «Вот в чем несчастье быть так вполне лишенным личности». В 1864 г., после смерти Е. А. Денисьевой он пишет Георгиевскому: «Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви (...) я сознавал себя». И наконец в 1867 году Богдановой: «...grâce à ma personnalité peu énergique et peu persistante il me semble qu'il n'y a rien de plus naturel que de me perdre de vue...», слова, напоминающие написанный три года спустя стих:

Безлюдно все, и так легко не быть.

и французские стихи, гораздо более ранние (1842-го года):

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin
Sa présence, ce n'est qu'un point, —
Et son absence — tout l'espace.

В поэзии обобщается, относится к человеку вообще, то, что в письмах относилось лишь к самому Тютчеву.

«Безличен», это, конечно, не совсем то слово. Для всех его знавших и для нас, читающих его, Тютчев обладал весьма определенно очерченной, очень особенной, ни с кем не смешиваемой личностью. Но в свете писем Китса, тютчевские признания получают свой настоящий смысл. Быть «вполне лишенным личности» означает только не ощущать с достаточной силой собственного я, не то, чтобы постоянных очертаний, а постоянного стержня своей личности. По терминологии английского поэта Тютчев был, как и он сам, не «человеком власти», а «человеком гения». Однако, терминология эта не только словесно не особенно удачна, она и по существу ошибочна, так как «люди власти» в китсовском смысле встречаются и среди поэтов, притом даже и гораздо чаще, чем беспримесные «люди гения». Но что у Китса с удивительной пронизательностью усмотрено, это связь известного рода структуры личности с известным рода структурой творчества. И никакое другое наблюдение не способно ввести нас так глубоко в понимание и личности, и творчества нашего собственного великого поэта.

С ощущением зыбкости, неустойчивости, потерянности своего «я» связаны у Тютчева такие личные его черты, как постоянно проглядывающая в переписке с женой боязнь беспредельности русских пространств, или как столь же постоянная боязнь зимней стужи. Это не просто физическая зыбкость, это переживание неко-

его растворения в холоде, утраты в нем своего жизненного ядра (подобно его потере в русских просторах). Богдановой он пишет (апрель 1867 г.): «...le froid est comme un abîme où notre pauvre individu se sont englouti et anéanti...» Осюда же и постоянная потребность его в обществе, не для того, чтобы в нем «играть роль», а чтобы чувствовать себя окруженным, согретым, подкрепленным в собственном бытии.

«Мне необходимо прежде всего общество и знакомые и любимые лица» (23 июня 1862 г.). Во время последней болезни, очнувшись от долгого забытья, он сказал, обращаясь к окружавшим его близким: «Faites un peu de vie autour de moi». Но эта чужая жизнь, не только перед смертью, она и всегда была ему нужна, — острее, чем обычно, насущней чем он бывает нужна людям другого душевного устройства. Недаром и любовь переживается Тютчевым — это быть может основной мотив его жизни — не как его любовь, а как любовь к нему. И уже в раннем стихотворении: «Не верь, не верь поэту, дева», это он о себе сказал:

Он не змеею сердце жалит.
Но как пчела его сосет.

При таком устройстве личности неудивительно, что в поэзии Тютчев ни в какой мере не строитель, не деятель и в этом смысле не писатель, а поэт и только поэт. Лирика его медиумична. Стихотворение не строится по смысловому стержню, а рождается собой и притом не столько из «переживания» (в обычном, так сказать автобиографическом смысле слова, как у Гете, например), а из созерцания, из пассивного вбирания в себя мира. Зародыш тут не факт, не событие, а образ, метафизически расширяющийся в целое стихотворение («Безумие» быть может тому особенно разительный пример).

Не раз отмечавшийся риторизм тютчевского стиля, — только внешняя оболочка, служащая прежде всего интонационным и ритмическим целям. Пантеистическое же (выражаясь упрощенно) содержание его поэзии должно в свою очередь объясняться не влиянием Шеллинга или Баадера, а внутренней необходимостью, требованием, вытекающим из самого устройства его гения. Космическое целое, природа, мировая душа, как бы служат Тютчеву его поэтическим «я»; он вместо себя — или за отсутствием себя — проецирует их в свою поэзию. Созерцанием уловленные космические образы сами расширяются, сочетаются, воплощаются в живое слово. Поэту остается как бы извиняться пробормотать: «J'ai fait quelques rimes».

Но такова только (за немногими исключениями) тютчевская поэзия первого, мюнхенского периода. Во втором, петербургском,

образно-метафизическая ее природа перерождается в более непосредственно-лирическую, но поэт и тут остается верен себе потому что лирика эта не столько от своего имени, сколько от чужого и тема этих гениальных стихов, единственных в своем роде во всей мировой поэзии, не столько любовь Тютчева к Елене Александровне Денисьевой, сколько ее любовь к нему. Недаром писал он: «Только в ее любви я сознавал себя»; он и поэтом любви стал только через ее любовь, как бы заменив себя ею, так что функцию, исполнявшуюся прежде космосом или мировой душой, стала исполнять душа Елены Александровны. И даже там, где он говорит непосредственно от себя, как в «Последней любви», быть может самом богатом внутренней музыкой стихотворении из всех написанных на русском языке, поэзия его остается медиумической, в известном смысле безличной, такой поэзией, которая не столько выражает поэта, сколько выражается сквозь него, как бы даже помимо него, хоть, конечно, и не без участия того, что мы называем его гением. В. Вейдле.

Р И М

(Первая встреча)

«Высшее образование имеет тот, кто был в Италии; а кто Италии не видел, вряд-ли может претендовать даже на аттестат зрелости». С таким заветом Бориса Петровича Вышеславцева ехал я в Рим. Борис Петрович прав: посещение Рима это — откровение, это — новый мир. И самое удивительное, что этот **новый** мир воспринимается как свой, родной, давно знакомый... Рим я могу сравнить только с Пекином: во первых оба — «вечные» города — не только в смысле древности, корни которой глубже и старше истории; но и в том смысле, что оба города — на редкость шумные, беспокойные; в Риме безчисленные «Vesp'ы», в Пекине — «рикши» и «фудунки...» все это носится во всех направлениях, шумит, суетится; болтливая веселая толпа, жизнь — на улицах, торговля, суэта, шум... и за всем этим чувствуется вечность, неизменность: такая же «жизни мышья беготня» была здесь и тысячу и две тысячи лет тому назад... Когда в Пекине один европеец похвастался тем, что род его восходит к XV веку, старый китаец вежливо спросил его: В. С. от А. Д. (то до Рождества Христова или после?). То же и в Риме: все — близко, а жизнь — «подвижный образ вечности», пестрый ковер брошенный на неизменное... Тут же параллель можно привести в собственной психологии: чтобы узнать Рим (и Пекин) в полноте — надо отдать им всю жизнь: и не только время, но и душу: стать католиком, стать китайцем. Не это ли заставило В. И. принять Римскую веру, раствориться в стихии Рима? А те из моих

друзей, которые жили в Пекине и действительно знали Пекин — становились чуждыми всем нашим ценностям, делались китайцами в метафизическом смысле... Но для того, чтобы почувствовать Рим и Пекин и полюбить их — достаточно одного дня, одного впечатления, которое «пронзает сердце раз на всегда...». Что же пронзает сердце в Риме; не по существу, а образно. Единственный пейзаж: линии и краски: рыжие стены и пинии, мощные массы камня и темные стрелки кипарисов; развалины и дома — один красивее другого; на всем печать вкуса: естественного, инстинктивного, не выдуманного; все здесь красиво **по природе**, а не по вдохновению или замыслу; и все — гармонично. Холмы, парки, развалины — все это составляет такую гармонию, такое единство природы и культуры, что по сравнению с Римом все остальные города кажутся надуманными (если в них есть стиль) или безобразными (если они только служат потребностям жизни). А затем — рядом с красками и линиями — единственный, несравненный запах Рима: терпкий, горьковатый аромат, которым напоен воздух форума и Палатина — запах хвои и трав, в который врываются ароматы то роз, то акации...

Это первое и общее впечатление, которое воспринимается непосредственно, всей кожей, глазами, слухом, обонянием. А затем начинаешь думать, «вспоминать» историю.

Здесь — самое потрясающее, конечно, мученики. Колизей, катакомбы, темницы: вся земля Рима ведь напоена кровью христиан. И когда думаешь о том, что происходило на месте, на котором стоишь, земля горит под ногами. В этом смысле красота античности может стать соблазном и в перспективе двух тысячелетий легко смешать в одно целое кесаря и Бога, мучителей и их жертв... Но в Латеранском музее я видел мозаику Терм: десятки, если не сотни римских голов — не героев, а (вероятно) портретов современников. И эти лица, жирные и откормленные, с самодовольством во взгляде и в позах, умные и вместе с тем абсолютно животные, так ужасны в своей голой плотности, что воочию видишь языческий Рим, не обращающий ко Христу, а гонящий, ненавидящий Христа. В этой комнате, где злые глаза смотрят на вас и со стен и с пола, стоном стоит крик «Christianos ad bestias!»

Сейчас, когда над твердыней Рима прошел суд Божий, форум неизяśnie прекрасен: отдельные колонны и камни, обломки стен и травы, травы — те самые, которые растут между каменными плитами алтаря Неба в Пекине. Но чем был форум тогда? Это должно было быть столпотворением храмов, громоздящихся один на другой — в таком количестве и изобилии, что по всей вероятности он должен бы являть собой грандиозную и величественную безвкусицу. Некоторое впечатление об этом может дать прилегающий к

форму памятник Виктору Эммануилу. Гора ослепительного мрамора — огромная, чеканная: колонны, статуи... или чего только там нет: и люди, и лошади, и орлы, и победы: нет только одного — красоты и изящества. Точно безделушка с часов в модном салоне, увеличенная в тысячу раз. Вероятно, когда форум был полон не развалин, а храмов — с узкими проходами между ними, он походил на эту мраморную путаницу.

Конечно, нельзя не вспомнить и величия языческого Рима: всего, чем мы обязаны юристам, Цицерону, императорам:

«И силой разума и права — всечеловеческих начал
воздвиглась Запада громада — и миру Рим единство дал».
(Вл. Соловьев).

Эти образы империи, гражданственности, доблести смотрят на вас из бесчисленных статуй императоров, из коллекций Ватикана и Латерана, где тысячи римских бюстов так живы, так современны, что хочется заговорить с ними об общих принципах правовой и экономической справедливости, о частном и государственном праве, с колониальной политике... об попытках продолжить Рим в *British Commonwealth*, в Российской Империи, в современных нам политических опытах и авантюрах Италии и Германии и наконец в претензиях (может быть неизбежных) Америки стать новым Римом — Империей земного шара.

Рядом с миром языческим — Рим христианский. В нем так много эпох и такое разнообразие! Первые века скорее угадываются, ибо по своему быту они от древнего Рима не отличались: кровь мучеников — это ведь семя, закваска, которая брошена в плоть истории, но еще не взошла, не отлилась в определенные формы. Но тем ярче светит в них чистое мученичество — мученичество за Христа, не связанное ни с какой иной идеей, за которую можно умереть. Огромное впечатление производят катакомбы — единственный памятник Первохристианства, сохранившийся в полной неприкосновенности; впечатление это — простоты и непосредственности: ничего внешнего, ничего отвлекающего и красивого: только самая суть: семя отроков, вкушающих рыбу (фреска, изображающая евхаристию), бесчисленные могилы святых: телесная смерть и вечная жизнь.

...Ранний Рим — Рим греческой традиции особенно близок православному духу; старые греческие церкви с фресками и мозаиками, с простыми четырехугольными формами и почти без украшений — церкви часто запущенные и забытые — полны неизъяснимого очарования. Их довольно много, но их надо искать среди 400 церквей Рима. Затем (в хронологическом порядке) следует Средневековье; но от него почти ничего не осталось. Для того,

чтобы почувствовать эту эпоху надо прочитать книгу Gertrude von Le Fort — *Der Papst aus dem Ghetto*, (есть французский перевод под заглавием *Le Pape du Ghetto*) — хронику «aus den Buechern unser goldenen Stadt Roma», фактически рассказывающую жизнь схизматического папы Анаклета, а по существу дающую необычайно яркую картину средневековой жизни Рима: его аристократических родов, еврейского богатства, политических влияний, духовной борьбы... Зная эту книгу, берега Тибра оживают и видишь вечный город в самую смутную эпоху его существования.

А затем следует эпоха славы, которую воспринимают как величайшую катастрофу. О рецепции античности христианством, о «крещении» древней культуры и языческой мудрости — можно сказать, что они «удались». Но когда те же языческие элементы — но уже лишённые древнего природного благочестия — снова получили преобладание в христианской жизни — тогда произошла подмена, обман, и дух должен был отступить перед натиском непретворенной плоти, перед чисто природной красотой Ренессанса. Обман здесь довольно тонок: все мотивы, все формы остались христианскими: Благовещенье, Страшные суды, Библийские сцены... капеллы, храмы, алтари... Но когда следишь за развитием тех эпох, видишь, как чистая духовность ликов Джотто и Фра Бэато сначала отступать перед тонким и пронзительным, но душевным, природным очарованием мастеров 15 века, чтобы затем уступить место неприкрытой плотности образов позднего Ренессанса. Но образы эти так распространены, настолько въелись в нашу и культурную и церковную действительность, что мы почти потеряли способность отличать языческое от христианского. И. Ф. Мейендорф, который изучает Византийскую литературу той эпохи, говорил мне о тех непонятных на первый взгляд обличениях и осуждениях язычества, которыми полны духовные писания того времени. Казалось бы почему? Ранние христианские писатели так против язычества не протестовали. Это становится совершенно понятно, когда изучаешь Рим: тогда воочию видишь победное шествие язычества: в архитектуре церквей, в quasi - церковной живописи, в земном великолепии созданий меценатов - пап.

«Пускай велик небесный Рафаэль
Любимец бога скал, Буанаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти...
Но Рафаэль не греет, а спит,
В Буанаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство. (Гумилев).

Этого в Риме больше всего и влияние этого труднее всего преодолеть. В грандиозные дворцы, которые называются соборами, верующие и неверующие несут удивление, восхищение, благоговение. Там же в плену мрамора, золота и бронзы, покоятся останки святых. И очень трудно почувствовать и как-то страшно выговорить, что Собор Св. Петра — являет собою величину, но не величие, что Латеран — образец большинства наших русских соборов (на его фронтоне написано: «глава и мать всех церквей»), по своему внутреннему стилю принадлежит к земному великолепию исторически устроившегося христианства... Слова о том, что христиане не имеют здесь пребывающего града, но града грядущего взыскуют, кажутся среди этого мраморного великолепия просто нелепостью, наивностью, пережитком старины... На всех стенах, на всех памятниках. — имена земных владык, великих понтификов, построивших их. Это вечное постоянное напоминание о «просвещенном абсолютизме» пап тоже раздражает как торжество личной земной стихии — прославление даже не художников и авторов, а меценатов, властителей и богачей... В этом смысле великолепие Рима действует как пропаганда протестантизма: жажда простоты, Евангелия и только Евангелия, освобождения от мраморных риз становится здесь понятным и естественным. И здесь видишь тот роковой перекресток, на котором западное Христианство разошлось по двум путям: реформации и контр-реформации... В этом смысле посещение Рима не только радует, умиляет, обогащает душу богатством и красотой вечного города, но и укрепляет **православное** сознание: в Риме ясно видны духовные тупики, в которые упирается церковное «сознание», утратившее меру православного пути и на фоне ложно-классического барокко Латеранских статуй и самоутверждающегося великолепия Ватикана яснее вырисовываются те великие задачи, которые должны вдохновлять нас на искание и осуществление церковной истины, свободной от всех посторонних приражений. Л. А. Зандер.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ СТРАВИНСКОГО

(По поводу возражения о. Георгия Серикова на мою статью о Стравинском в «Вестнике» РСХД № 1 за 1951 г.)

О. Георгий Сериков, выступивший в «Вестнике» РСХД № 2 за март-апрель 1951 г. с возражениями на мою статью об Игоре Стравинском не только вполне компетентный музыкант, но еще и композитор, которого своеобразный дар заслуживает всякого внимания. Это тема особая и требующая специального рассмотрения. Пока же мы заметим, что как по всей своей психологической и ду-

ховной установке так и по складу своего творчества, не говоря уже о музикологических основаниях — о. Георгий Сериков является принципиальным противником всего того в музыкальном искусстве, что связано с именем Игора Стравинского. В этом, так же как и в радикальном «антистравинскизме», напр., известного проф. Поля, надо во всяком случае приветствовать своеобразное, если угодно, гражданское мужество. Выступить в наше время открытым и убежденным, аргументирующим противником Игора Стравинского опасно. Опасность для музыкальной карьеры о. Георгия усугубляется еще и тем, что Игорь Стравинский с его окружением не только претендует на музыкальную диктатуру в определенной сфере искусства звуков, но еще представляет собой целое и очень характерное мирозерцание, даже с богословско-философскими исходными моментами. Мы уже не говорим о «Музыкальной поэтике» Игора Стравинского, выпущенной им сравнительно недавно и содержащей эстетический «символ веры» музыкального «папы» современности. Последний, ведь еще до своего переселения в Америку вполне определенно претендовал на обладание безошибочными императивами и директивами в области богословия, канонического права и священной метафизики. Это вполне соответствует трудному и даже вовсе невыносимому духу современности, где власть, в какой бы то ни было форме — является «держателями: входов и исходов», ну, разумеется, также и материальных благ. Такова сущность революции и вместе с тем нашей до конца революционной эпохи, о которой в этом смысле можно сказать мало хорошего, даже нельзя его сказать вовсе. По этой линии автор настоящих строк, конечно, вполне поддерживает направление, так сказать, радикального антистравинскизма и динамика его борений составляет равнодействующую с духовно-силовой линией, принятой о. Георгием Сериковым. Проблема эта сложная и не могущая здесь быть разобранной во всей полноте. По необходимости буду краток и выставлю здесь единственный, но зато вполне определенный тезис, которым определяется вовсе не мое согласие или несогласие с о. Георгием Сериковым по поводу конкретных явлений музыки Стравинского в определенной области искусства звуков — но лишь определяется **постановка вопроса о Стравинском**. А это — самое главное.

Эта постановка по необходимости выходит за пределы конкретного музыкального искусства с его широким кругом трудных и требующих отдачи всей жизни специальных знаний. Обстоятельства сложились так, что «проблема Стравинского» приобретает общемирозерцательный характер и принадлежит к составу важнейших тем того, что можно назвать «философией современности».

Можно принимать или не принимать все то своеобразие, которое внес в музыку Игорь Стравинский. Дело не в этом. В свое

время были глюкисты и пиччинисты, бетховенианцы и моцартианцы, поклонники Вагнера и его противники, италианоманы и т. д. Можно и, конечно, в этом смысле одинаково допустить быть сторонником Стравинского, или же сторонником Скрябина: в XIX в. были шопенисты и шуманианцы, а П. Бородин под влиянием своих сотоварищей по «пятерке» и пропаганды В. В. Стасова превратился из «мендельсониста» в «шуманиста», чем и определялось его положение, как одного из важнейших творцов, основанной на фольклоре русской музыки. «Шуманизм» вполне согласуется с «руссизмом» и поддерживает его, но зато ему очень трудно, даже невозможно согласоваться с «мендельсонизмом» и с «шопенизмом». Игорь Стравинский, упрекая гениальнейшего А. Н. Скрябина в том, что он «без паспорта» (то есть без специфически «русского» лица) был в своем роде прав, ибо шопенизм А. Н. Скрябина не подходит ни к школе Чайковского, ни к исходящей от Глинки школе «пятерки» (кстати сказать, не столь далеко отстоящей от Чайковского, как это обыкновенно принято думать). Беда не в том, что Игорь Стравинский пребывает, или считает себя пребывающим в традициях Глинки и Чайковского (что отчасти и верно и очень хорошо), а в том, что он и его окружение **стремятся музыкально убить Скрябина**, чего им и удалось добиться. Имя Скрябина стало так сказать «нецензурным» и совершенно узгнано с концертных программ. Этим русской музыке, да и мировой, нанесен колоссальный ущерб и она сведена к односторонности. Выходит, что «русская музыка» исчерпывается тем, что «от Стравинского» и «чему Стравинский прикажет существовать». И уж, конечно, вся совокупность сокровищницы «русской музыки» не исчерпывается специфической «русскостью».

Итак: трудность и неприемлемость «духа Стравинского» совсем не в его специфических музыкальных чертах и приемах, ни даже в его специфической логике музыкального письма, но в той неприемлемой для **человека** (с большой буквы и как образа Божия) атмосфере диктатуры и снобизма. Если мы уловим эту атмосферу, неприемлемую для **человека с большой буквы**, то поймем и суть того неприемлемого, что в изобилии находится в колоссальном дару Игоря Стравинского. **И.**

РУССКИЕ В ЛЬЕЖЕ

Льеж — один из наиболее значительных промышленных городов Бельгии. Русских в этом краю около 10.000 человек. Большинство мужчин работает на заводах и шахтах, некоторые из них пробившись в инженеры. Среди молодежи есть учащиеся в университетах, высших технических школах, государственных и католических учебных заведениях.

Душою православного Льежа является, уже 18 лет живущий в Бельгии, отец В. Роменский. Весьма активный, горячий он заслужил любовь и уважение не только русского, но и бельгийского населения. Низший этаж его дома представляет из себя типографию, канцелярию, иконописную мастерскую и приемную, в которую с утра и до вечера приходят люди с бесконечными нуждами, делами и просьбами. Деятельной помощницей о. Валента является его секретарша Н. В. Середя. Матушка о. Валента происходит из семьи миссионеров, просвещавших африканских негров, а старшая дочь получила воспитание в школе женской православной общины в Иерусалиме, возглавляемой игуменьей-англичанкой, принявшей православие.

Неподалеку от дома о. Валента, уже по самому своему семейному составу, представляющему из себя некий миссионерский центр, находится и русская церковь. Разрушенная во время одного из воздушных налетов, она была вновь временно восстановлена усердием о. Валента и прихожан, при содействии Женевского Комитета помощи церквям. Чудом уцелевшие иконы работы Об-ва «Икона», из которых некоторые, наиболее пострадавшие, пришлось склеивать по кусочкам, украшают стены и иконостас. Местный Церковный хор выступал с огромным успехом этой зимой на духовном концерте и вызвал восхищение бельгийской публики. Церковь низка, мала и не вмещает молящихся, поэтому, на рядом приобретенном участке, уже готовится материал для постройки нового, постоянного храма. При церкви о. Валента, под его духовным руководством, работает сестричество, состоящее из 15 сестер, поставившее себе целью как служение при храме и заботу о нуждающихся и больных. Старостой храма состоит М. А. Шеерен, вдова бельгийского инженера, энергией которой и 25-летним неустанным усердием вдохновляется местный национальный комитет, поддерживает русская библиотека, устраиваются дни русской культуры и собираются стипендии для русских студентов. Под ее гостеприимным кровом, во время собрания сестричества, занимавшегося шитьем облачений и за последовавшей после работы чашкой чая, организованной хлебосольными хозяйками, мы долго беседовали о возможностях и видах женской церковной работы. С большим интересом сестры выслушали сообщение о работе Женских Богословских курсов и Женского православного объединения в Париже и с любовью и благодарностью вспоминали о матери Серафиме, работающей в Вифанской общине при Аньерском приходе, которая во время своего посещения Бельгии, вдохновила их на служение.

В Льеже существует и небольшая группа русской молодежи от 15 до 20 лет, живой и веселой, которую о. Валент собрал у себя, во время моего посещения для ознакомления с жизнью и историей

нашего Р. С. Х. Д. После моего рассказа, прерывавшегося вопросами, одобрительными восклицаниями и добавленного краткими, но полными горячего молодого энтузиазма словами Льежской студентки, участницы нашего весеннего съезда в Бьевре во Франции, молодежь выразила желание устроить осенью свой собственный съезд в Бельгии, который могли бы посетить приезжие из Парижа профессора и руководители. «Спасибо вам, было очень весело», говорили они, прощаясь.

Отрадное впечатление произвели и взрослые, собравшиеся, по приглашению о. Валента, на другой вечер. Большой интерес был проявлен как к богословским вопросам, так и к нашей церковной жизни.

Кроме этих трех собраний, о. Валент организовал и посещение лагерей для Ди-Пи. Один из этих лагерей, мужское население которого работает в местных шахтах, имеет свою собственную небольшую церковь св. Николая, обслуживаемую живущим при ней немолодым священником, отбывавшим несколько лет каторжных работ в Соловках и на Белозерском канале и прикрывающим своим природным юмором и добродушием пережитый душевный надлом и телесное недомогание. Здесь, в каждом из этих убогих бараков, таится своя глубокая и неизжитая драма. Разрушенные семьи, надорванное здоровье, отсутствие надежды... Но, несмотря на тяжелую обстановку, одной из обитательниц этого края, бывшему члену Пражского Р. С. Х. Д., г-же Гемниковой, удалось собрать группу из 30 человек молодежи, которая собиралась зимой для изучения Свящ. Писания.

В последний день моего трехдневного пребывания в Льеже, благодаря любезности одной бельгийской дамы, — жене русского инженера, — прекрасно управляющей машиной, мы посетили замок в Арденнах, предоставленный католиками, вывезенным из Австрии, в количестве около 50 человек, пожилым русским Ди-Пи. Мы были радушно встречены директором общежития, молодым бенедиктинским монахом, живым, энергичным, полным любви к своему делу, который познакомил нас с заведующей хозяйством, молодой девушкой — бельгийкой, тоже горячо преданной работе. На всем чувствуется отпечаток заботливой хозяйской руки: цветы в гостинной, красивые скатерти в светлой, большой и уютной столовой. Семейные, — почти все бездетные и пожилые устроены по комнатам отдельно, а одинокие — небольшими группами в 3-4 человека. Отца Валента встретили со слезами радости и, вообще, всякое слово участия и утешения находит здесь глубокий и благодарный отклик в сердцах.

«Мы здесь теперь до самой смерти», «никуда нас больше дви-

гать не будут», с усталой, грустной и покорной улыбкой говорят эти старые, измученные люди.

Большой радостью явилось для них сообщенное о. Валентом известие, что у них будет своя домовая православная церковь, для которой уже изготавливаются Льежским сестричеством облачения и пишутся иконы.

«Расскажите в Париже, как мы здесь хорошо устроены, благодаря добрым людям», говорили они, нас провожая. **В. Зандер.**

НАШ ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД

Очередной съезд Р. С. Х. Д. во Франции состоялся в этом году 12, 13 и 14 мая — как обычно в Bievres, в гостеприимном и в высшей степени удобном помещении Франц. Христ. Студ. Движения. Народу в этом году было на съезде несколько меньше, чем в прошлом году, но зато и работа шла более дружно и внутренняя общность проявилась в этот раз скорее и ярче. Все доклады обсуждались сначала в общем собрании, а затем переходили на обсуждение групп; это было новшеством у нас, — и надо признать, этот опыт новой постановки в обсуждении докладов достаточно удачным. Новшеством было и устройство специальных семинаров, посвященных различным темам (помимо докладов).

Как бывает почти всегда, основной акцент на съезде лежал не там, где он намечался в предварительном плане. Основным вопросом в первые два дня съезда оказался вопрос о том, чем располагает христианство в борьбе со злом, — и вокруг этой темы шли острые и оживленные прения. Но еще с большей остротой и напряженностью обсуждался доклад, сделанный И. В. Морозовым в третий день съезда «О трудностях и задачах зарубежной молодежи». Докладчик в своем сообщении дал очень правдивое описание того, как складывается внешняя и внутренняя жизнь у современной молодежи, в частности он поднял вопрос о том, что думает и чувствует эмигрантская молодежь относительно России и ее возможного участия в жизни будущей свободной России. В очень горячих, порой даже страстных прениях с достаточной ясностью выступили те противоречивые тенденции, которые раздирают современную русскую молодежь. Есть группы молодежи, которые, любя и ценя французскую духовную культуру, внутренне живут все еще русской культурой, русской церковью. Трудно судить, насколько многочисленны эти группы, но одно бесспорно, их «русскость» всецело определяется семейной обстановкой, в которой они созревают. Гораздо более многочисленные группы молодежи, которые, не теряя связи с русской жизнью, часто хорошо владея русским языком и любя русскую культуру, в то же время сливаются душой и с фран-

цузской культурой, в частности — с исканиями современной французской молодежи. Есть наконец группы молодежи, проходящей фазу настоящего космополитизма, — у этой молодежи есть даже отталкивание от всякого уклона в сторону национальных культур... С особенной силой на съезде выявились группы, принадлежащие ко второму типу, — те живущие в глубокой духовной **двойственности** — через свою почти одинаковую погруженность и во французскую и в русскую стихию. Тут есть бесспорная **трагичность**, ибо жить двумя культурами, столь различными во многом, как русская и французская, конечно, невозможно, — и отсюда черты некоей духовной растерянности и внутренней утомленности от неразрешимости и тяжести духовного бремени, которая давит на молодежь. Эта молодежь **переходит** этап; молодой русской душе нужна ведь всецелая отданность какой то высокой цели, — а вместо этого в лучшем случае получается утонченное эпикурейство, «снятие сливок» в двух различных культурах, новозможность внутренней целостности. Нельзя не пожалеть, что вся эта тема, вне которой невозможно правильно подойти к основным трудностям, перед которыми стоит нынешняя русская молодежь, была затронута лишь в последнем заседании съезда. Именно потому, что съезд был полон религиозной настроенности, что церковная стихия на нем если не доминировала, то во всяком случае была выражена с большей силой, — именно в этой духовно светлой обстановке и было бы наиболее уместно коснуться больших точек в душе современной русской молодежи.

Впрочем, надо сказать — весенние съезды почти всегда проходят в Движении в духовном подъеме, в радости и ясности. Не приходит ли, однако, пора устраивать тоже трехдневные съезды и осенью, — перед началом учебного года? Об этом нужно бы подумать.

Еще два слова о докладах на съезде. Они все были хороши, — их делали опытные докладчики, умеющие владеть аудиторией. Но для «рабочего» съезда осенью надо бы выдвигать иных докладчиков. Может быть менее опытных, но за то ярче отражающих то, чем полна и чем болеет современная русская молодежь.

В. С. Л.

О РАБОТЕ И ЖИЗНИ ДВИЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ

Храм Движения.

В субботу, 14-го апреля состоялось малое освящение и начались регулярные службы в новом храме во имя преп. Серафима Саровского Чудотворца — в нашем движенском храме. Но прежде всего оговорка для тех, кто не знает Движения и кто может

испугаться: Движение создает собственные храмы? Они обособляются и не ходят в обыкновенные приходские церкви? Они устроили свой храм, где могут быть только их члены? — Все это не так. Он «наш храм» в том смысле, что многие члены Движения участвуют в его сооружении, благодаря чему он нам становится особенно дорог; значительная часть членов Движения, которые не являются еще членами других приходов, будет посещать этот храм и привлекать в него ту молодежь, которая вообще не посещает церкви! В этом храме постоянно служат священники (о. А. Киселев и о. Д. Гизетти), которые все время участвуют в жизни Движения и наконец, в этой церкви, подражая традиции, установленной приснопамятным о. Сергием Четвериковым, будут поминаться на проскомидии все члены нашего Движения. Не только те, которые сейчас участвуют в нем, но и те, которые когда-то были в нем.

Храм еще не закончен и его недостроенность сквозит во всем, но это не мешает молитвенной атмосфере. Главным украшением храма всегда является вложенная в него любовь. Этой то любовью новый храм украшен богато! (Все работы выполнялись добровольцами по вечерам после тяжелого рабочего дня).

Храм не велик; может вместить человек 100. Многим, особенно тем, кто приехал из Мюнхена, было очень дорого присутствие в храме иконы преподобного Серафима, найденной в Мюнхене при необычных условиях. Под иконой вделан ковчежец с частицей мощей преподобного и кусочком его ризы.

Приятно поражает стройное пение многочисленного хора под управлением И. А. Гусева, создавшегося так же молниеносно, как и сам храм.

Итак, наш храм открыт. С первых же служб его наполнило неожиданно большое число молящихся. Бодрствуйте, движенцы, чтобы нам быть в числе первых, а не последних его ревнителей!

О первой литургии в новом храме.

Всегда радостно присутствовать при открытии нового храма. Особенно в наше тяжелое время так радостно сознавать, что есть стремление к Церкви, к молитве, искание в Божьем храме найти опору и утешение. В новооткрывшемся храме так сильно почувствовалось это стремление и любовь к храму. Он еще не готов, поставлен только тот остов, на котором можно служить. Радостно и проникновенно служил о. Александр. Исключительной радостью блеснули глаза тех, кто участвовал в строительстве этого храма и так светло делалось на душе тех, кто видел это рвение и видел, как люди занятые, работающие, отдавали все свои свободные часы, ча-

сы отлыха и сна, на построение. Последние 24 часа несколько человек работали без отдыха и почти без пищи, так как не было времени приостанавливать работу. И это усердие чувствовалось во всем. Собрался добровольный хор, также отдавший свои свободные часы для спевки, и пели легко и радостно.

Народу было столько, сколько могла вместить маленькая церковь и прилегающая к ней площадка. Чувствовалось общее молитвенное настроение, общая радость, возжигались без конца приносимые свечи, признак горения пред Господом... Еще поставлено только начало. Еще много работы осталось для дальнейшего украшения храма. Дай Бог, чтобы больше людей пришли еще помочь этому делу и почувствовали ту высокую радость, которая светила в глазах каждого, кто хоть немного участвовал в этом строительстве.

Б.

Открытие нашего нового помещения.

В воскресенье, 15-го апреля, состоялось открытие нашего нового помещения в «семейной обстановке». Почти все присутствовавшие потрудились для создания этого нашего «гнезда», тем или иным способом содействовали возникновению русского православного храма в этих стенах.

Началось открытие благодарственным молебном в нашей церкви. Служили о. А. Ионов, о. А. Киселев и о. Д. Гизетти. Из присутствовавших быстро собрался хор. Перед молебном сказал краткое, но проникновенное слово о. Алексей.

После молебна начался акт. Плохое самочувствие помешало проф. Федотову присутствовать на акте и произнести свое слово. М. М. Коряков говорил на тему о нашем долге перед родным народом. Художественно сравнил наше время с временем земной жизни Спасителя и с перво-христианскими веками. Описал с детства запомнившуюся картину: «Бегство из Вифлеема в Египет» и смысл всякой эмиграции указал в том-же, что было дано Иосифу и Деве Марии — хранить то, что унесено с собой в бегство — в одном случае Богомладенца, в нашем — Православие и родную культуру. И ждать того часа, когда можно вернуться и чтобы не было стыдно за время прожитое здесь. «И будь там доколе не скажу тебе»...

О. Александр Киселев говорил о задачах «Дома Культуры». О том, что мало **знать** о том, какая у нас вера и какая культура, надо проникнуться знанием, почувствовать богатство нашей веры и культуры так, чтобы все силы отдать на служение этим ценностям. Что у нас есть? Несколько кружков молодежи, лекции, курсы, клуб... Но этого мало. Более 100 человек собрались на открытие — все люди, помогавшие созданию этого дела. И один в поле воин, два — колоссальная сила, для троих вместе идущих нет преград, а

нас много больше. Что же нужно нам для того, чтобы созидать? — надо **полюбить**, полюбить без прохладности.

Сегодня мы открываем базу, где должны собраться люди, жаждущие творчества в Боге, где в этом духе должна воспитываться молодежь. Не будем бояться тяжести этой задачи. На деле она раскрывается не как тягостный долг, но как радость. Пойдем радостно! Борясь за человеческую душу!

Затем последовала концертная программа с участием К. Вековой, В. Пастухова и С. Орловского. В заключение была предложена чашка чая, во время которой присутствовавшие оживленно обменивались мнениями, договаривались о начале работы кружков после праздничного перерыва, о собраниях клуба и т. д.

Все больше жизни в нашем «гнезде», дай Бог, чтобы все больше бодрости и сил было в каждом из нас!

Кружок в Бостоне.

В этом учебном году в Бостоне, скорее в Кембридже, раз в 2 недели собирался кружок Р. С. Х. Д. Члены кружка на две трети студенты Харвардского и Бостонского университетов и М. И. Т. Несмотря на такой академический состав, включающий даже одного Харвардского проф. (Ю. П. Иваск), кружок носил далеко не академический характер.

На первом собрании выяснилось, что большинство из нас очень мало знакомы с учением Православной Церкви, так что кружок предназначался быть «катехизическим»; надо было дать его членам основное представление об учении Православной Церкви.

Но задание это не вполне удалось осуществить. Одна из основных причин та, что кружок был чрезвычайно разношерстный и в смысле происхождения его членов (Россия, Сербия, Прибалтика, Франция, С. Ш. А. (и в смысле их мировоззрения) «церковники», колеблющиеся в своих религиозных убеждениях, глубоко верующие и ищущие оправдания веры, были и члены с религиозно-философским, литургическим, протестантским уклонами. Все это способствовало живости кружка, но не способствовало планомерности осуществления задуманного плана. Перескакивали с одной животрепещущей темы на другую: «Крещение», «Вера и знание», «Евхаристия», «Наше отношение к России», «Причины разделения церквей», «Юрисдикционный вопрос» и т. д. Нельзя было не посвятить следующее собрание кружка теме, которую затронули и не успели развить...

В этом то и состояла слабость кружка, что он в этом году говорил много и о многом, но его участники, надеясь найти в нем

ответ на свои религиозные трудности, не смогли это осуществить. Эта неудовлетворенность членов кружка есть залог успеха кружка в 1951-52 году. Если этот год был введением в изучение сущности христианства, то надеемся, что следующий год даст членам кружка более систематическое и твердое знание основ христианской жизни, потому что одна из главных целей Движения давать молодежи не только знание учения Прав. Церкви, но вводить молодежь в жизнь Церкви.

Состав кружка — от 7-12 человек.

27-го мая состоялось заключительное собрание кружка под председательством проф. М. М. Карповича. х.

В воскресенье, 27-го мая, состоялось последнее в этом сезоне общее собрание членов Движения. Из-за экзаменов в университетах студентам трудно принимать участие в жизни Движения. Несмотря на это собралось около 40 чел. молодежи. С большим интересом и сочувствием был встречен доклад В. С. Коралина на тему: «Облик советской молодежи». Большинство слушателей восприняли доклад как выражение собственных взглядов и мыслей, но в художественно-литературной форме.

Собрание посетил дорогой гость — епископ Иоанн из Сан-Франциско. Владыка принял участие в обсуждении доклада и поразила молодежь своей простотой и интересом к нашей жизни.

После доклада был устроен чай, за которым обсуждались вопросы, связанные с летней работой. Горячий отклик встретило предложение об аренде на лето дачи на берегу моря или озера, где можно было бы молодежи проводить время по субботам и воскресеньям, или другим свободным дням.

Было решено оказывать помощь Движению во Франции и способствовать созданию Движения в Англии. С этой целью открыт сбор пожертвований. Сбором для Франции заведует А. Богачева, для Англии Г. Нодко.

Немало внимания было уделено вопросу летнего съезда Движения, который в этом году предполагается в сентябре.

Клуб молодежи.

Собственное помещение дало возможность создать для младшей молодежи клуб. Каждую среду от 6-10 ч. веч. и каждую субботу от 1-7 ч. веч. в клубное помещение собирается молодежь. Играют в шахматы, домино, пинг-понг, корону... Столы для пинг-понг и короны были сделаны самой молодежью. В клубе образуется това-

рищество и та своя спела, которая так необходима нашей молодежи, живущей в таком городе как Нью-Йорк. По пятницам происходят собрания - курсы, на которых все участники слушают лекции по закону Божьему, русскому языку и литературе.

Мы надеемся, что жизнь клуба на летнее время не прекратится, но будет вынесена за город и даст возможность молодежи проводить субботу и воскресенье на лоне природы, соединяя отдых с разумным досугом.

(Информационный бюллетень Р. С. Х. Д. в Америке № 11 и 12).

ОТ РЕДАКЦИИ

Вследствие ограниченности печатных листов каждого номера нашего журнала и не желая откладывать нашего отклика на кончину М. М. Осоргина, редакция вынуждена была сократить его некролог, написанный свящ. А. Семеновым Тянь-Шанским. По причине этих сокращений, к глубокому нашему сожалению, из некролога выпали некоторые существенные данные, касающиеся жизни и духовного облика М. М. Осоргина.

Братство препод. Сергия Радонежского при Богословском Институте издало на ротаторе в полном виде статью свящ. А. Семенова Тянь-Шанского, посвященную памяти М. М. Осоргина. Для ее приобретения следует обращаться к о. Алексею Буткевичу, 93 rue de Crimée, Paris 19.

Редактор: И. В. Морозов. — Directeur responsable P. A. Struve